

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Олений камень из Межелика (Восточный Алтай)

Статья посвящена описанию и всесторонней интерпретации нового оленного камня, обнаруженного автором в урочище Межелик – в окрестностях с. Улаган на востоке Российского Алтая (Улаганский р-н Республики Алтай). Этот статуарный памятник был вторично использован в качестве каменного изваяния в эпоху раннего Средневековья и установлен у тюркской поминальной оградки. На нем воспроизведено ожерелье из выбитых лунок, а также образы кабана и свернувшегося кошачьего хищника (?) в аржано-майэмирском стиле. Это позволяет предварительно датировать олений камень из Межелика VIII–VI вв. до н.э. Совместное изображение или противопоставление хищника травоядному животному характерно для сцен терзания в скифо-сибирском искусстве, для представлений о жертвоприношении и плодородии, о циклах смерти и возрождения. В целом, по классификации исследователей, олений камень относится к т.н. саяно-алтайскому типу памятников, который содержит реалистические изображения животных и был распространен преимущественно на территории Саяно-Алтая и Западной Монголии. Вторичное использование оленных камней тюркоязычным населением Алтая второй половины I тыс. н.э. в качестве стенок или балбалов поминальных оградок и, в особенности, каменных изваяний, было очень распространенным явлением. Оно имеет и другие многочисленные примеры. Особенно такая традиция была характерна для раннетюркского периода (VI – первой половины VII в.), и, возможно, она подчеркивает генетическую преемственность статуарных памятников разных исторических периодов. В основе этих представлений лежала идея воспроизведения мужчины-воина с поясом, оружием и другими атрибутами.

Ключевые слова: Восточный Алтай, олений камень саяно-алтайского типа, вторичное использование, тюркская поминальная оградка, изображения животных, аржано-майэмирский стиль.

G.V. Kubarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Deer Stone from Mezhelik (Eastern Altai)

This article gives a description and comprehensive interpretation of a new deer stone discovered by the author at the Mezhelik site near the village of Ulagan in the Eastern Russian Altai (Ulagan District of the Altai Republic). This statuary monument was reused as a stone sculpture in the Early Middle Ages and was set up near a Turkic memorial enclosure. It shows a necklace of pecked holes, and images of a boar and curled feline predator (?) in the Arzhan-Mayemir style, which makes it possible to preliminarily date the Mezhelik deer stone to the 8th–6th centuries BC. Juxtaposition of a predator and herbivore was typical of the scenes of torment in the Scythian Siberian art, for the concepts of sacrifice and fertility, and for the cycles of death and rebirth. Generally, according to scholars' classification, the deer stone belongs to the so-called Sayan-Altai type of monuments which bear realistic depictions of animals and were widespread primarily in the Sayan-Altai and Western Mongolia. The secondary use of deer stones by the Turkic-speaking population of the Altai in the second half of the first millennium AD as walls or balbals of memorial enclosures and, in particular, as stone sculptures, was very common. There are numerous other examples of this practice. This tradition was particularly typical of the Early Turkic period (6th – first half of the 7th centuries) and might have emphasized the genetic continuity of statuary monuments from different historical periods. These representations were based on the idea of reproducing a male warrior with a belt, weaponry, and other attributes.

Keywords: Eastern Altai, Sayan-Altai type of deer stones, secondary use, Turkic memorial enclosure, animal images, Arzhan-Mayemir style.

Введение

В полевом сезоне 2025 г. Чуйский отряд ИАЭТ СО РАН обследовал ряд археологических памятников на территории Республики Алтай, часть из которых была обнаружена впервые. Именно одному из них – вто-

рично использованному в эпоху раннего Средневековья оленному камню, обнаруженному на территории Улаганского р-на Республики Алтай – и посвящена данная публикация.

История изучения оленных камней на Алтае насчитывает больше ста лет. Первые путешественники

Рис. 1. Место расположения оленного камня в урочище Межелик.

и исследователи этого региона в своих трудах описывали и приводили изображения наиболее ярких образцов этих статуарных памятников. В особенности это относится к Чуйскому оленному камню. Первая сводка оленных камней Алтая, насчитывающая 45 экз., была предпринята В.Д. Кубаревым [1979а, табл. I–X]*. Так, по его мнению, только юстыдский комплекс оленных камней первоначально насчитывал более 30 статуарных памятников, большая часть которых была повалена и разбита в древности [Там же, с. 16]. Он же провел первые, ограниченные раскопки вокруг оленных камней и каменных выкладок юстыдского комплекса [Там же, с. 13–22, рис. 3–11]. В последующие годы в этом регионе были обнаружены и другие образцы этих монументальных памятников [Кубарев, Кочеев, 1988, с. 203–207, табл. I–III; Полосьмак, 1993, рис. 5–7; Кубарев В.Д., 1997; Молодин, Черемисин, Новиков, 2004; Кубарев Г.В., 2015, с. 290,

291, рис. 2; Шульга, Демин, 2021, с. 45, рис. 22, 53, 6; и др.]. На сегодняшний день на Алтае обнаружено по меньшей мере ок. 70 оленных камней. Таким образом, несмотря на длительную историю изучения этой разновидности монументальных памятников рассматриваемого региона, их количество не так уж велико. Поэтому каждая новая находка оленных камней на Алтае имеет большое научное значение. Приведем описание памятника и условия его обнаружения.

Описание статуарного памятника и его археологического контекста

Оленный камень обнаружен в местности Межелик**, примерно в 7,5 км к северо-востоку от с. Улаган и в примерно 700 м на юг от моста через р. Большой Улаган, близ дороги Улаган – Балыктуюль, в Улаганском р-не Республики Алтай (рис. 1). В этом урочище зафиксировано большое количество тюркских по-

* Несмотря на то, что В.Д. Кубарев упоминает более 50 подобных памятников [1979а, с. 4], их количество было меньшим, т.к. к ним были отнесены более ранние стелы, не содержащие характерные для оленных камней изображения.

** Межелик – высокие холмы, возвышающиеся на ровном месте, сопки, волнообразная поверхность гор [Молчанова, 1979, с. 77].

минальных оградок с рядами балбалов. Рассматриваемый статуарный памятник был вкопан в 0,9 м к востоку от стенки одной из двух смежных поминальных оградок вместо тюркского изваяния (рис. 2). Оградки, вероятно, имеют смежную стенку и устроены по отношению друг к другу по линии ССЗ–ЮЮВ. Южная оградка с оленным камнем имеет размеры 4,0 × 4,5 м, северная – 3,5 × 4,5 м. Их заполнение состоит из крупных валунов в два-три слоя. На восток от оленного камня отходит ряд из 19 балбалов на расстояние 88 м. От второго смежного поминального сооружения сохранился ряд из 7 балбалов, отходящий на восток на расстояние 20 м.

Оленный камень представляет собой четырехгранную сланцевую (?) стелу с двумя широкими и двумя узкими гранями, сужающуюся в верхней части, размерами 59 × 40 × 12 см (рис. 3). По отношению к оградке он вкопан узкой гранью, т.е. по оси В–З. Нужно полагать, что он сохранился *in situ* с момента сооружения тюркской поминальной оградки. В средней части камня на всех его гранях, кроме восточной, прослежен ряд из выбитых лунок, в некоторых случаях соединенных между собой перемычками в ожерелье. На южной грани – 5 лунок, западной – 2 лунки, северной – 5 лунок. Таким образом, в общей сложности на камне насчитывается 12 лунок и две из них, на западной грани камня, частично приходятся на северную и южную плоскости (рис. 3, 2). Диаметр лунок составляет в среднем 4–5 см. На южной широкой грани над ожерельем сплошной неглубокой выбивкой изображена фигура кабана длиной

ок. 20 см, ориентированная слева направо (рис. 3, 2). У него показаны четыре длинные ноги, поджарый круп, массивная грудь и голова. Недлинный, по-видимому, полосатый хвост поднят вверх и загибается. Слева и ниже кабана выбита еще одна, меньшая по размерам фигура хищника (?) также с четырьмя ногами. Выполненная более схематично, она отдаленно напоминает свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. В непосредственной близости с ним зафиксированы тонкие, гравированные линии, которые как будто не образуют законченного рисунка. Верхняя часть оленного камня, по-видимому, была сколота в древности и первоначально могла содержать и другие изображения (возможно, серьги и др.). На широкой северной грани фиксируется незаконченное выбитое изображение или, что более вероятно, остатки изображения на частично сколотой до ожерелья поверхности.

Вопросы интерпретации, датировки и вторичного использования

Основное количество известных на сегодняшний день оленных камней Алтая приходится на южную его часть, граничащую с Монголией (Кош-Агачский р-он Республики Алтай). Именно в этом районе известно большое количество керексуров, с которыми оленные камни образовывали единый архитектурный комплекс. Здесь, в долине р. Юстыд известен крупнейший комплекс оленных камней, насчитывавший ок. 30 подобных статуарных памятников и более 100 кольцевидных ритуальных выкладок.

Рис. 2. Вид на тюркские смежные оградки и оленный камень, вкопанный у одной из них. Вид с юга.

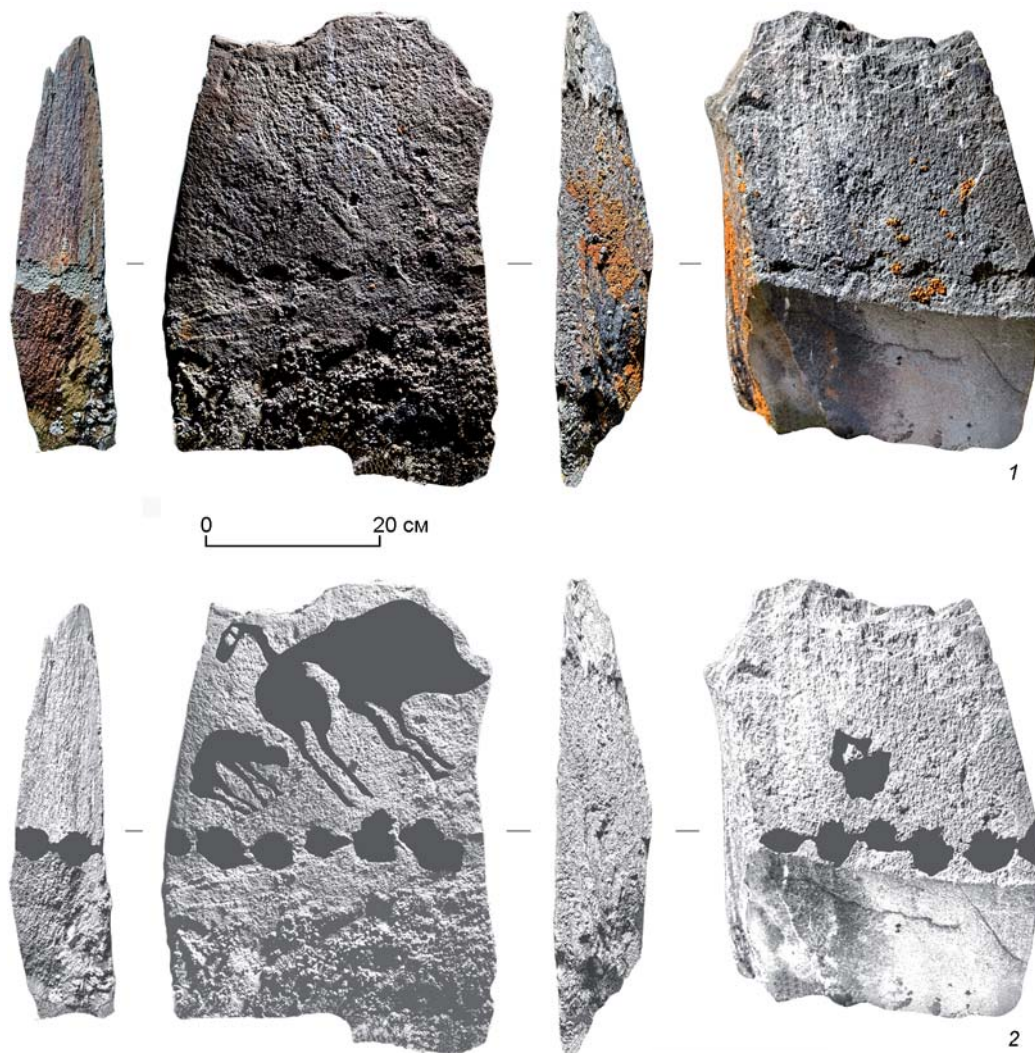

Рис. 3. Фотография (1) и прорисовка (2) оленного камня из Межелика.

Вероятно, он также был связан с многочисленными керексурами, расположенными поблизости. Самым северным керексуром на Алтае можно считать объект в урочище Кур-Кечу в Онгудайском р-не Республики Алтай. В целом, за исключением юга, в других районах Алтая находки оленных камней единичны. Тем интереснее статуарный памятник, обнаруженный нами в Улаганском р-не, в урочище Межелик.

По классификации исследователей рассматриваемый оленный камень относится к саяно-алтайскому типу памятников, т.е. тем из них, что содержат близкие к натуре, реалистичные изображения животных [Волков, 1981, с. 102; Савинов, 1994, с. 70]. И это при том, что подавляющее количество оленных камней на Алтае не имеет изображений каких-либо животных и по классификации тех же исследователей относится к общеевразийскому типу [Там же]. Впрочем, Д.Г. Савинов отмечает единую территорию распространения этих типов в пределах восточного ареала (т.е., прежде всего, Саяно-Алтай и Западную Монголию) и саму условность их выделения, за которой могут стоять

хронологические, социальные и другие особенности [Савинов, 1994, с. 80, 82]. Да и реалистичность изображений животных на оленных камнях саяно-алтайского типа тоже весьма условна, т.к. элементы стилизации в образах аржано-майэмирского стиля также присутствуют [Там же, с. 126–131]. К ним относится «жертвенная» поза животных: стоящие на кончиках копыт животные с приподнятым крупом и поднятой вверх головой.

На оленном камне из Межелика не зафиксированы характерные для других оленных камней Алтая изображения (три наклонные полосы, серьги, оружие и т.п.). Не исключено, что они были воспроизведены на верхней, сколотой в древности части камня. Аналогией свернувшегося кошачьего хищника (?) на рассматриваемом оленном камне может служить композиция лишь на одном из оленных камней юстыдского комплекса, которая включает в себя четыре подобные фигуры [Кубарев В.Д., 1979а, с. 79, рис. 26]. Обращает на себя внимание совместное изображение и/или противопоставление хищника травоядному жи-

вотному – оленю или кабану, что характерно для сцен терзания, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. В данном случае неважно действительно ли эти изображения воспроизводили аппликации или серию нашивных металлических блях на одежде, татуировки на теле воина. Вероятно, в основе таких совместных изображений хищника и травоядного животного лежали представления о жертвоприношении и плодородии, о циклах смерти и возрождения [Савинов, 1994, с. 154].

Образ кабана на оленных камнях Алтая до сих пор был встречен лишь однажды [Кубарев В.Д., 1979а, с. 83, табл. IX, 3]. Любопытно, что на экземпляре из Узунтала фигура кабана как будто вписана в ожерелье [Там же]. Также не часто он встречается и на оленных камнях Монголии [Волков, 1981, табл. 31, 92]. Кабан не является и частым персонажем в петроглифах Алтая раннескифского и скифского периодов [Кубарев В.Д., 2011, с. 38–41, рис. 34]. Оленный камень из Межелика по характерным для раннескифского искусства фигурам кабана и кошачьего хищника может быть предварительно датирован VIII–VI вв. до н.э.

Как уже отмечалось, рассматриваемый статуарный памятник был вторично использован в эпоху раннего Средневековья в качестве каменного изваяния и вкопан с восточной стороны тюркской поминальной оградки. Подобное вторичное использование оленных камней тюркоязычными племенами Саяно-Алтая и Монголии довольно часто представлено в археологических памятниках. Так, оленные камни могли использовать в качестве стенок или заполнения поминальной оградки, одного из балбалов [Кубарев В.Д., 1979а, с. 23, 24; Кубарев, Кочеев, 1988, с. 205–207], либо, что намного чаще, в качестве замены изваяния [Кубарев В.Д., 1979а, с. 23; 1979б, с. 137–142, рис. 2–9]. Вероятно, представители тюркоязычного населения этих регионов понимали, что оленные камни воспроизводят мужчин-воинов с поясом, оружием и другими атрибутами. В некоторых случаях они устанавливались без какой-либо доработки [Кубарев, 1979б, с. 137–142, рис. 2–9], в других – на оленных камнях выбивалась личина и другие изображения, которые могли быть вписаны в более ранние выбивки [Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2013, с. 70, 71; Куулар, 2022, с. 61, рис. 1 и др.].

Обращает на себя внимание тот факт, что оленный камень из Межелика вкопан узкой гранью в восточном направлении. Эта особенность очень характерна для стел, замещающих изваяния и установленных у раннетюркских поминальных сооружений. Ее пока сложно объяснить, т.к. на узкой грани невозможно выбить лицо и другие аксессуары. Несмотря на это, подобная особенность зафиксирована как на уже исследованных поминальных объектах [Кубарев Г.В., 2011, рис. 1–3], так и на еще не раскопанных. Датировку раннетюркским временем таких сооружений подтверждает факт их очень близкого или смежного

расположения. Поэтому еще до проведения археологических раскопок рассматриваемых поминальных оградок из Межелика с большой степенью уверенности можно предположить время их сооружения – VI – начало VII в. Нельзя исключать генетическую связь между оленными камнями и раннетюркскими стелами, замещающими изваяния, в т.ч. потому, что лицевой частью оленных камней всегда служила узкая грань камня и на нее, как правило, наносились три наклонные линии, символизирующие лицо человека [Кубарев В.Д., 1979а, с. 21]. Подтверждением тому, что именно в раннетюркский период у поминальных оградок устанавливались оленные камни, служат и другие примеры. Так, у каждой из двух смежных тюркских оградок, пристроенных друг другу по линии С–Ю в долине р. Юстыд, установлено по одному оленному камню [Кубарев В.Д., 1979а, с. 24, 25, табл. IX, I, X, I].

Заключение

Статуарный памятник из Межелика может быть также отнесен ко II группе оленных камней Алтая, условно выделенных В.Д. Кубаревым [1979а, с. 24, 26]. Они отличаются небольшими размерами (от 40 до 70 см), тщательностью обработки, четкостью и разнообразием изображений в отличие от оленных камней I группы, входящих преимущественно в юстыдский комплекс. Именно оленные камни II группы часто использовались тюркоязычным населением Алтая второй половины I тыс. н.э. для своих поминальных памятников [Там же]. По мнению В.Д. Кубарева, первоначальное место установки оленных камней II типа неизвестно, т.к. в подавляющем большинстве случаев они были вторично использованы в памятниках последующих исторических эпох [Там же, с. 27]. Конечно, вторичное использование снижает информативность в отношении изучения первоначальных мест установки оленных камней, их возможного социального (?) ранжирования, назначения и семантики, особенно в условиях отсутствия в тех или иных районах Алтая керексурсов или крупных комплексов оленных камней. Тем не менее каждая подобная находка важна, дополняет общий корпус таких памятников и приближает нас к решению уже обозначенных исследовательских проблем.

Благодарности

Статья написана в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого».

Список литературы

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 255 с.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979а. – 120 с.

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979б. – С. 135–160.

Кубарев В.Д. Оленный камень с р. Тытугом // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. гос. ун-та, 1997. – № 2. – С. 145–146.

Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1988. – С. 202–222.

Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Каменные изваяния древних тюрков Южной Сибири. Каталог МИХС и ИАМ ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 79 с.

Кубарев Г.В. Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. – С. 219–235.

Кубарев Г.В. Исследования в Калбак-Таше II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 289–292.

Куулар А.И. О древнетюркском изваянии из коллекции каменных памятников Тувинского ин-та гум. и прикладных соц.-эконом. исследований // Азиатские исследования: история и современность. – 2022. – № 4. – С. 57–64. – doi:10.24412/2782-6139-2023-4-57-64

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Новиков А.В. Оленные камни Аргамджи (плоскогорье Укок) // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2004. – № 4. – С. 57–63.

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алт. кн. изд-ва, 1979. – 399 с.

Полосмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // *Altaica*. – 1993. – № 3. – С. 21–31.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1994. – 209 с.

Шульга П.И., Демин М.А. Курганы Сентелека. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – 188 с.

References

Kubarev V.D. Drevnie izvayaniya Altaya (Olennye kamni). Novosibirsk: Nauka, 1979a. 120 p. (In Russ.).

Kubarev V.D. Novye svedeniya o drevnetyurkskikh ogradkakh Vostochnogo Altaya. In *Novoe v arkheologii Sibiri*

i Dal'nego Vostoka. Novosibirsk: Nauka, 1979b. P. 135–160. (In Russ.).

Kubarev V.D. Olennyi kamen' s r. Tytugem. In *Izvestiya laboratorii arkheologii*, 1997. No. 2. P. 145–146. (In Russ.).

Kubarev V.D. Petroglify Kalbak-Tasha I (Rossiiskii Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011. 444 p. (In Russ.).

Kubarev V.D., Kocheev V.A. Novaya seriya kamennykh izvayanii Altaya. In *Arkheologiya Gornogo Altaya*. Gorno-Altaysk: GANIIYAL Publ., 1988. P. 202–222. (In Russ.).

Kubarev V.D., Kubarev G.V. Kamennye izvayaniya drevnikh tyurok Yuzhnoi Sibiri: kamennye izvayaniya drevnikh tyurok Yuzhnoj Sibiri: katalog kollektsii Muzeia istorii i kul'tury narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka i Istoriko-arhitekturnogo muzeia pod otkrytym небом IAET SB RAS. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013. 79 p. (In Russ.).

Kubarev G.V. Enclosures of kudyrgе-type in Ak-Kooby area (South-Eastern Altai). In *Novosibirsk State Univ. Bull. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2011. Vol. 10, iss. 7: Arkheologiya i etnografiya. P. 219–235. (In Russ.).

Kubarev G.V. Kalbak Tash 2 investigation. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. XXI. P. 289–292. (In Russ.).

Kuular A.I. An ancient turkic sculpture from the collection of stone monuments of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic research. In *Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost'*, 2022. No. 4. P. 57–64. (In Russ.). doi:10.24412/2782-6139-2023-4-57-64

Molodin V.I., Cheremisin D.V., Novikov A.V. Olennye kamni Argamdzhi (ploskogor'e Ukok). In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004. No. 4. P. 57–63.

Molchanova O.T. Toponimicheskii slovar' Gornogo Altaya. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoe otделение Alt. Book Publ., 1979. 399 p. (In Russ.).

Polosmak N.V. Issledovanie pamyatnikov skifskogo vremeni na Ukoke. In *Altaica*, 1993. No. 3. P. 21–31. (In Russ.).

Savinov D.G. Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 1994. 209 p. (In Russ.).

Shulga P.I., Demin M.A. Mounds of Sentelek. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. 188 p. (In Russ.).

Volkov V.V. Olennye kamni Mongolii. Ulan-Bator: AS MNR Publ., 1981. 255 p. (In Russ.).

Кубарев Г.В. <https://orcid.org/0000-0001-6376-4153>

Дата сдачи рукописи: 25.10.2025 г.